

Е. П. Блаватская: отзывы учеников

ГЕНРИ ОЛЬКОТТ*^{<1>}

Никто из знавших Е. П. Блаватскую не может забыть ее, никто -- не может заменить ее: есть люди, которые обладают некоторыми из даров ее, но *всеми* ее дарами -- не обладает никто. Ее жизнь, какую я узнал ее в течение последних 17 лет, как друг, товарищ и сотрудник, была сплошным мученичеством из любви к людям. Она пылала ревностью к их духовному благу и к их духовной свободе и, далекая от какого бы то ни было эгоистического мотива, посвящала жизнь и силу делу любви, не ожидая ни благодарности, ни награды. За это она и была преследуема клеветами ханжей и фарисеев до самой смерти, которую они и ускорили своей злобой. И даже мертвой они не дают покоя, они стараются загрязнить ее прах, очернить ее память лживыми описаниями ее жизни. Но не удастся им этого, слишком много осталось у нее живых свидетелей, которые готовы постоять за нее и *доказать* чистоту ее намерений.

Никто не может сделать этого с такой полнотой, как я, потому что с 1874 г. мы оставались с ней тесными друзьями, жили и работали вместе и стремились к одной цели. По темпераменту и свойствам совершенно противоположные люди, мы часто расходились с ней в подробностях. Но в отношении совместной нашей работы и в преданности нашим Учителям, мы составляли с ней одну душу и одно сердце.

Она обладала во всех отношениях двойственной натурой, одна из которых была мне вовсе не симпатична. При постоянной своей болезненности и при желании все же соприкоснуться с людьми, она бывала раздражительна, вспыльчива и, как мне казалось, не всегда справедлива, но даже и в этом, в недостатках своих, она всегда оставалась необыкновенной.

Я любил в ней другое, высшее существо, которое было в высокой степени таинственно! Несмотря на видимое полное доверие между нами, на 17-летнюю совместную жизнь и ежедневную общую работу, она оставалась для меня загадкой до последнего дня жизни. Иногда мне казалось, что я узнал ее хорошо, но вслед за тем я убеждался, что в ней таились еще более глубокие глубины, которые мне были меведомы. Никогда я не мог узнать, *кто* она, т. е. не Е. П. Блаватская, урожденная Ган, внучка генерала Фадеева и княжны Долгорукой, но та таинственная индивидуальность, которая писала книги и совершала чудеса.

Я помогал Е. П. при составлении ее первой книги: "Разоблаченная Изида", видел каждую строчку, каждое предложение, как она писала их и потом исправляла в корректурных листах. Возникновение этой книги с бесчисленными цитатами, которые она писала при мне прямо из головы, было достаточно чудесным, чтобы убедить меня в обладании ею психических сил высшего порядка.

Но она давала мне и еще более наглядные доказательства. Часто, когда мы работали вдвоем до глубокой ночи, она иллюстрировала свои описания скрытых в человеке и в природе оккультных сил чудесами, без малейших предварительных приготовлений.

Когда я раздумываю об этом теперь, мне ясно, что у нее могла быть только одна цель: желая моей литературной помощи при составлении "Разоблаченной Изиды", она хотела сделать для меня вполне понятными законы скрытых сил, которые описывались в этой книге, и целым рядом экспериментов доказать мне, что она стоит на строго научной почве.

При этом я получил знания, которые никто не мог бы дать мне, кроме нее. Не понятно ли после этого, что все вздорные выдумки об ее обманах не могли повлиять на мою твердую веру в несомненность ее психических сил?

И что удивительного, если я, получавший эти ценные доказательства ее сил чаще, чем все остальные ее ученики, узнавший через нее реальность трансцендентальной физики и химии и действительное существование неведомых нам сил человеческого духа, воли и души, я, приведенный ею на светлый путь истины, по которому с тех пор и иду с радостью, я, которому благодаря ей досталось счастье видеть лицом к лицу Учителей Востока и говорить с ними, -- удивительно ли, что я любил ее как друга, высоко ценил как учителя и навсегда сохраню память о ней, как о святыне!..

До самой смерти она хворала и боролась с жестокими физическими страданиями. Но, несмотря на эти страдания, она работала, не переставая, по 12 часов у своего письменного стола. Памятниками ее трудов за это время, от 1885 г. до 1891 г., остались: 2 тома "Тайной Доктрины", "Ключ к теософии", "Голос Безмолвия", "Драгоценные Камни Востока", множество статей в ее журнале "Люцифер", который она вела и редактировала сама, ее русские и французские статьи в газеты и журналы; множество неизданных еще манускриптов для третьего тома ее "Тайной Доктрины" и, кроме того, обучение оккультной философии, которая привлекла к ней в последнее время множество учеников. Не эта ли безустанная работа ума и души на пользу ближних, которым она хотела передать свои знания, называется шарлатанством? Если так, то мы должны молить Бога, чтобы он посылал нам чаще *таких* шарлатанов. Мог ли хотя один не предубежденный человек допустить, чтобы та, которая обладала *такими* знаниями и способна была на *такое* самопожертвование, могла унизиться до мелких плутней, как ее обвиняют ее враги! Оставьте, Бога ради, мертвую львицу в покое и ищите для оплевания другую, менее благородную могилу!..

День ее оправдания еще не пришел, и не мне, ее ближайшему другу, достанется эта честь.

Но придет день, когда имя ее будет записано благодарным потомством не среди шарлатанов и обманщиков, а на самой высокой вершине, среди избранных, среди тех, которые умели жертвовать собой из чистейшей любви к человечеству!

Могучий дух Е. П. воспламенял нашу вялую кровь, энтузиазм ее был неугасаемым пламенем, от которого все современные теософы зажигали свои факелы...

АННИ БЕЗАНТ* <2>

Уменье переносить -- величайшая из способностей, уменье терпеть -- дар благородной души.

Уменье переносить тяжелое без ропота, уменье терпеть -- было главной способностью Е. П. Блаватской, какую я узнала ее в последние годы ее жизни. Самой выдающейся чертой ее характера была сила, устойчивая, твердая, как скала.

Я знала слабых людей, которые жаловались на ее суровость, но я видела ее в присутствии злейшего ее врага, пришедшего к ней, в минуту нужды, и видела, каким неземным светом сострадания осветилось все лицо ее. Суровость, которая может быть в то же время так мягка и нежна, -- и есть то свойство, которого недостает нашему расслабленному Западу.

Ее терпимости к мелочам и к внешним проявлениям -- не было границ; зато в вопросах важных она была неуклонна и определена, как никто.

Если бы враги ее знали, *что* они закидывают грязью! Такое тонкое чувство чести, какое было у нее, нужно искать в тех мечтах, которые создают образ "рыцаря без страха и упрека"... Ее правдивость и чистота ее намерений были поразительны, и в то же время сила ее характера не поддавалась никаким ударам судьбы. *Ее* -- обвиняют во лжи! Могла ли она унизиться, когда для нее было решительно все равно, *что* про нее говорят, и все внутренние мотивы, которые заставляют обыкновенных людей прибегать ко лжи -- были уже давно изжиты ею...

Ее обвиняли в том, что ее сила идет из нечистого источника; в таком случае Нечистый должен был сильно обеднеть, потому что служение ее плохо оплачивалось. Она была так бедна, что постоянно нуждалась в деньгах, а когда деньги были -- они немедленно исчезали. Щедрость ее была воистину царская; все, что у нее было: вещи, деньги, платье, все отдавалось первому встречному, находившемуся в нужде.

В ее натуре преобладали мужественные свойства: прямая, определенная, быстрая, с сильным хотением, светлая, живая, свободная от желчи и от всякой мелочности, -- в ней не было ни одной черты обыкновенной женщины.

Всегда она рассуждала с высшей точки зрения, была снисходительна и терпима к чужой мысли и к чужому характеру и не обращала внимания на внешнее человека, если внутри у него все было в порядке.

Мне лично она принесла великую пользу, приведя меня к самопознанию. Мне всегда казалось забавным, когда говорили о ее способности ошибаться в людях и доверять таким, которые впоследствии обманывали ее. Они не понимали, что она считала долгом давать каждому человеку случай к исправлению и нисколько не интересовалась тем, что, в случае неудачи, она может оказаться в неудобном положении. Я наблюдала ее в сношениях с людьми, искавшими только ее феноменов, приходившими к ней с нечистыми мотивами; она говорила с ними так же непринужденно и искренно, как со своими друзьями, но я замечала при этом, с каким проникновенным выражением она вглядывалась в такого человека и с каким грустным вздохом отводила от него глаза, когда убеждалась в его неискренности.

Если же кто искренно искал самого трудного из всех познаний -- *самопознания*, тогда она приходила к нему на помощь со своим редким даром проникновения, предупреждала его относительно скрытых опасностей, обращала его внимание на затаенные черты, распутывала перекрещивающиеся нити плохо понятых свойств и ошибок и поддерживала ученика самым деятельным образом в его усилиях познать самого себя. Мне самой она помогла разобраться в себе, и всем, кто умел без обидчивости переносить ее редкую наблюдательную и критическую пронизательность, она приносила великую пользу.

Как учительница, Е. П. никогда не была дидактична; она умела вызывать к деятельности собственную мысль ученика и давала ей только направление. Она учила с успехом лишь тех, кто был способен войти с ней в духовную связь и кто мог сам восполнять пробелы, которые возникали благодаря ее приему давать свои поучения в смелых широких чертах.

Если такая духовная связь завязывалась, Е. П. давала ученику бесконечную полноту знаний и богатство мыслей. При поверхностном отношении к ее мыслям, они часто казались оторванными и нагроможденными одна на другой, но при дальнейшей

переработке они являлись как звенья одной непрерывной цепи, из которых одни были ярче освещены, другие же -- оставались в тени; и если ученик был способен осветить и то, что оставалось в тени, своим собственным сознанием, -- в таком случае уроки Е. П. приносили ему величайшую пользу.

Но если учащийся не был способен отозваться на ее мысль, если ее быстрые и сильные удары не были способны извлечь искру из его ума, в таком случае Е. П. оставалась для него загадочной, темной, запутанной, и он оставался столько же неудовлетворенным ею, сколько она чувствовала себя безнадежной относительно него.

ГЕРБЕРТ БАРОУ* <3>

Только два года прошло с того момента, как я ее узнал. Но эти два года были для меня так полны, что кажется мне -- целые века прошли с тех пор, как я впервые увидел ее. Если верно, что жизнь человеческая должна измеряться по периодам духовного развития, то время, с того дня как я первый раз пожал руку Е. П. Блаватской и до той минуты, как я помогал убирать ее гроб пальцами ее любимого Востока, было для меня богаче, содержательнее и длиннее целой человеческой жизни. Я пришел к ней материалистом, а ушел -- теософом; через *эту* пропасть она сумела построить мост в моей душе.

Она была моей духовной матерью, и не могло быть матери более любящей, терпеливой и нежной.

Я и г-жа А. Безант были в то время заняты проблемами жизни и духа, решить которые наше материалистическое мировоззрение было бессильно, и мы оба искали иного света. Мы слышали о Е. П. Блаватской, но, приученные к скептицизму и строгой критике долгими годами политической жизни, воспитавшим в себе потребность в строгих доказательствах относительно всего, что лежало вне сферы нашего опыта, теософия казалась нам не только чуждой, но и вполне недоступной областью. Но -- кончилось тем, что мы пошли к Е. П.; нескольких бесед с ней было достаточно, чтобы для меня засветился новый свет: она ввела меня в духовный мир, показала мне силу истинного самоотвержения и дала последовательную жизненную философию, цельное знание человека и его связи с духовным миром. Вот *что* привлекало меня к ней, а вовсе не ее чудотворные силы, которых я лично даже и не видал. Но в первый раз, в течение всего моего духовного развития, я нашел в ней учителя, который сумел разрозненные нити моего мышления соединить в ясную и цельную ткань.

Она не выносила, когда ее хвалили, и единственный недостаток, который я лично нашел в ней, это -- ее вспыльчивость, которая по временам вырывалась у нее, подобно вихрю или циклону. Но и этим она овладела к концу жизни. В ней все было -- искренность и правда. Ее полное равнодушие к условностям и внешним формам происходило от полноты ее духовного веденья.

Я хорошо сознаю, что все, что я сказал, и несовершенно, и недостаточно. Истинная Е. П. показывалась нам только изредка и случайно, и единственный ключ к пониманию этой необыкновенной натуры -- в том живом примере, который она давала нам своей самоотверженной жизнью. Жизнь эта научила нас видеть цель не в личном благе, а в служении миру, в служении без ропота, до самого конца.

ГРАФИНЯ ВАХТМЕЙСТЕР* <4>

Кто знал Е. П. Б. ближе, тот испытал на себе очарование ее личности, ее удивительной сердечной доброты. Иногда она радовала всех окружающих своим детски-веселым настроением, и тогда на ее лице светились и сверкали радость и остроумие, каких я никогда не видала на другом человеческом лице, и тогда она завоевывала все сердца, как бы в бурном порыве.

Замечательно, что она с каждым была другая: никогда я не видала ее одинаковой с двумя разными людьми. Она немедленно замечала слабые стороны человека и удивительно умела испытывать их... Кто был с ней часто, тот постепенно приобретал дар самопознания...

В 1885 году я посетила Е. П. в Вюрцбурге. Я нашла ее слабой, страдающей телом и духом и утомленной; она сознавала, как необъятна ее задача и как трудно найти людей, которые согласились бы пожертвовать собой для великой цели.

Когда я спрашивала ее: *почему* она продолжает страдать, когда в ее распоряжении все средства, чтобы облегчить свои страдания? Почему, работая над таким важным трудом (она писала тогда "Тайную Доктрину"), который требует спокойствия и здоровья, она пальцем не пошевелит, чтобы улучшить условия своей жизни и прогнать слабость и физическую боль, которые каждого, кроме нее, давно бы довели до полного изнеможения?

Ответ ее на такие вопросы был всегда один и тот же: "Каждый ученик оккультизма дает торжественное обещание *никогда* не употреблять полученные знания и силы для своего *личного* блага. Сделать это все равно, что ступить по крутому спуску, который ведет в пропасть... Я дала этот обет и никогда не нарушу его, потому что знаю его святой смысл... И гораздо легче для меня перенести всевозможные мучения, чем нарушить его. И не только телесные мучения, но и гораздо более тяжелую нравственную пытку: быть посмешищем и предметом поругания".

В этих словах не было и тени преувеличения. В нее, стоявшую всегда впереди всех в Теософском обществе, попадали все ядовитые стрелы насмешки и клеветы, как в живой щит, который принимал на себя *все* удары и прикрывал собой всех слабых и споткнувшихся. Она была, так сказать, добровольная жертва, на незаслуженных мучениях которой строились и крепились жизнь и успех Теософского общества. Немногие знают это. Только те, которые как я, день за днем, жили с ней, которые видели ее постоянные телесные страдания и нравственные муки, переносимые ею с таким мужеством и непобедимым терпением, и которые в то же время могли наблюдать за ростом и успехом Общества, возникшего единственно благодаря ее великой душе, только они поймут, как велик наш долг перед ней и как мало сознается этот долг...

ЧАРЛЬЗ ДЖОНСТОН* <5>

Первое мое впечатление от Е. П. Блаватской было впечатление необыкновенной силы, и это впечатление все росло. Наш первый разговор шел о ничтожестве материалистического мировоззрения, и не столько ее речи убеждали меня, сколько впечатление, что передо мной воистину бессмертный дух, одним своим присутствием разрушающий отрицание духовной жизни.

Это чувство ее силы нисколько не давило и не унижало слабых, это было впечатление глубины и такого размера души, который охватывает всякую суть до самого первоисточника.

Это первое впечатление силы постепенно смягчалось ее удивительной сердечной добротой, всегда готовой забыть себя и отдаться нуждающемуся.

Все, кто когда-либо поднимались по дикой горной тропинке, знают, как ускользает величие гор и глубина долин от внимания путника, прикованного к ближайшим деревьям, птицам и цветам, пока он не поднимется на самую высоту, откуда его взору сразу откроется вся необъятная ширина пейзажа.

Такие поразительные минуты подъема на духовные высоты я испытывал часто в присутствии Е. П., хотя во время самой беседы очарование ее личности заставляло временно думать, что находишься в присутствии *только* привлекательной собеседницы.

С непреодолимой силой и энергией утверждала она существование бессмертного духа и учила реальности духовного мира, сама проявляя такие свойства, каких я не мог себе даже представить у смертного человека. С небывалой мощностью восставала она против темной тучи зла и невежества, окутывающей со всех сторон земную жизнь; пролом, который сделан ею в этой свинцовой туче, пролом, показавший нам сияющий свет в небесах, доказывает, с *какой* силой наносила она свои удары. Для нее была единственным обязательным законом действительность духовной природы; деспотизму физической природы она не подчинялась никогда.

Ничему из всех ее необыкновенных свойств я так не удивлялся, как ее глубокому смирению, ее постоянной готовности радоваться достоинствам в других и всегда забывать свои собственные великолепные дары. Е. П. Б. была похожа на горный поток, вытекающий из глубокого светлого озера, скрытого за облаками и несущего богатства заоблачных сфер в земные долины. Вместе с водой быстрый поток свергает с горных высот зерна золота и драгоценных камней и рассыпает их по пескам долины. Находя эти драгоценности, жители долин начинают верить, что там, на горах, много сокровищ, и до самой смерти стремятся к ним...

БЕРТРАМ КИТЛЕЙ* <6>

С первой минуты, когда я взглянул в ее глаза, я почувствовал к ней безграничное доверие, и никогда это чувство не покидало меня; наоборот, оно все более росло и становилось все могущественнее по мере того, как я узнавал ее ближе.

Благодарность моя к ней за то, *что* она сделала для меня, так велика, что потребовалось бы несколько жизней, полных безграничной преданности, чтобы заплатить ей мой долг.

Вступив в жизнь со скептическим умом конца 19-го столетия, отвергавшим все, что не могло быть доказанным, в особенности религиозное представление о бессмертии души, вооруженный только той моралью, которую мы получаем в хорошо воспитанной семье, с неясными мечтами об альтруизме, которые беспощадная логика материализма постепенно выедала из моего сердца, -- что выработалось бы из меня? Конечно -- величайший эгоист.

До того, как я узнал ее, жизнь не имела для меня никакой идеальной цели: полное уничтожение, которое виделось в конце мирового процесса, убило во мне всякое благородное стремление... Я видел только бессмыслицу и бесцельность мировой борьбы.

Я видел земную жизнь, окруженную со всех сторон мучительными сфинксами, угрожающими поглотить ту расу, которая не сумеет разгадать их темный смысл. Я видел,

как лучшие наши намерения вызывали зло вместо добра, я видел, как густая тьма окутывает нас. Где было искать света?

Из этого состояния вывела меня, как и многих других, Е. П. Блаватская своими учениями, а еще больше -- полным могучей силы примером своей личной жизни.

Она указала нам мерцающий свет звезды, который осветил наш жизненный путь; она научила тех, кто умел слушать, *как* отыскать лучи этого света внутри себя, указала дорогу, направление и опасности этой дороги, заставила нас признать, что только тот, кто умеет забывать себя и любить, найдет ключ к пониманию запутанного лабиринта жизни, потому что только при этом условии начинает расти дух и сердце человека, и сознание его способно наполниться мудростью.

Вот чему научила нас Е. П. Не достойна ли она за это высочайшего почитания?

Говоря о ней, я не в состоянии выразить мои более глубокие чувства... Только равное ей по силам существо могло бы начертить ее верный образ, передать ее такую, какой она была для нас и как верный друг, и как мудрый учитель, и как любящая мать. Но несмотря на всю свою любовь, она никогда не колебалась употребить в дело нож хирурга, когда того требовала наша польза; проникательная, она всегда безошибочно узнавала слабости своего ученика и вылечивала их.

Ежечасным примером она зажигала душу того, кого хотела возвысить до высокого сознания долга и самоотверженного служения истине.

Одна из самых ее поразительных черт была удивительная сердечная простота; она была в полном смысле слугой каждого человека, который искренне искал ее помощи.

Даже самые ожесточенные ее враги -- обратиться они к ней в нужде -- нашли бы у нее помощь... Я уверен, что она сняла бы платье с себя, отвела бы кусок от своего рта, чтобы одеть и накормить злейшего из врагов своих.

Ей и прощать не приходилось, потому что всякая злоба была так же далека от нее, как далеко от земли до небесной звезды.

А бескорыстно работать она умела *так*, что этим одним воспитывала душу и волю окружающих.

Я *не могу* выразить словами всей глубины моей благодарности, да и не нужно слов: ученики ее должны доказать свою благодарность на деле.

Она хотела, чтобы не разрывалась цепь любви, связывающая нас, и чтобы мы помогали другим, как она помогала нам: будем же бодры и деятельны, и распространение того света, который она принесла нам, будет лучшим памятником для почившего нашего учителя.

УИЛЬЯМ КИНГСЛАНД*<7>

Много людей испытывали притягательную силу Е. П. Блаватской; на одних действовала ее сила, других привлекал ее необыкновенный ум, третьих -- ее дар обаятельной беседы.

Но меня притягивало к ней иное: благая весть, которую она нам принесла, заставила меня полюбить ее, и я смотрел на Е. П. не только как на друга и учителя, но и как на нечто бесконечно более высокое.

И я попробую, хотя слабо, выразить то, что она ставила передо мной и перед многими другими как цель стремлений и что нас соединило с ней связью, которую не разорвет сама смерть.

Прежде всего и впереди всего она научила нас понимать *цель жизни*. Я хочу этим сказать, что она показала нам истинную цену временной жизни и пробудила в нас веру в жизнь вечную. Кто проникнется сознанием, как обманчива временная жизнь, тот начинает черпать свое вдохновение из источника гораздо более глубокого, чем мир внешних форм. Без нее мы все бродили в потемках и не видели в жизни ничего, кроме безнадежной загадки. И она не только дала нам новую философскую систему, она сделала гораздо больше: те нити, которые тянутся назад в прошлое и вперед, в будущее, и которые мы не могли уловить, она собрала их воедино, показала нам узор, который возникает от перекрещивания этих нитей, и разъяснила, для какой благой цели совершается эта ткань.

Она давала нам теософию не как учение, не как религию, философию или гипотезу, а как живую силу, которая должна проникать в самые недра нашей жизни.

Благая весть, передаваемая миру, должна неминуемо облечься в ряд учений и получить внешнюю форму. Но не внешнему учила она нас; она заставляла нас видеть далее формы и делать побуждением для нашей деятельности живой принцип. Она понимала под теософией бесконечно более того, что изложила в своих книгах. Ближе всего к ее духу стоит "Голос Безмолвия", но и эта книга не выражает всего, что она могла передать, если бы умели слушать ее.

Основная нота всех ее учений и всей ее жизни -- *самопожертвование*.

Вот что говорит "Голос Безмолвия": "Остановись, ученик, и послушай еще одно слово. Можешь ли ты вырвать из своего сердца божественное сострадание? Сострадание не качество; оно закон из законов, вечная гармония, сама *Алайя*; безграничная вселенская сущность, свет пребывающей правды, лад всех вещей, закон вечной любви".

"Наклони свою голову и слушай всеми силами, о бодхисатва -- сострадание говорит: может ли быть блаженство, когда все, что живет, должно страдать? согласишься ли ты спастись, пока в ушах твоих раздается крик мировой скорби?"

И если теософские учения говорят нам о Девакхане и о Нирване, об отдыхе для усталого, измученного бурями жизни странника и о конечном блаженстве, которое выше всякого представления, -- тем, кто может вместить, они говорят еще больше: трижды велик тот, кто поднялся по крутой тропинке Арьяхата, но еще больше тот, кто отстранил от себя заслуженную награду и жертвует собой до самого конца.

Под теософами понимают обыкновенно людей, верящих в перевоплощение и карму. Но Е. П. никогда не соединяла с этим словом ограниченного смысла. Она не раз указывала нам на людей, которые не только не примыкали к теософскому движению, но даже были его противниками; *на них* она указывала, как на истинных теософов. Она давала свои учения для того, чтобы люди могли освободиться из-под власти внешних форм, жили духовно, видели в человеке брата и искали общения с Богом. Удивительно ли, что она, так

пламенно верившая в божественную природу человека и в божественный закон любви, относилась с таким презрением к материализму и всякой догматической узости?

И она пожалала неизбежную мзду: непонятая, оклеветанная и опозоренная, она вела жизнь героя и умерла, как мученица.

Так она учила нас теософии не словами, а примером. Она сама была величайшим из теософов не потому, что создала теософское движение и принесла миру сокровища древней Мудрости, а потому, что способна была на великое самоотречение.

КЕМПБЕЛ ФЕР ПЛАНК* <8>

В первый раз я узнал ее имя из отчетов "Общества психических исследований". Эти отчеты вызвали во мне два впечатления. Одно -- о полной недоступности ее учения для меня; мои предки в течение многих поколений были юристы, и у меня глубоко вкоренилась привычка к очевидностям и к вещественным доказательствам. Другое впечатление шло от ее личности. Читая отчеты, я не мог не увидеть, *какая* это сила. Эта сила и энергия ее характера поразили мое воображение, и я захотел услышать учение женщины, которая не только одолела преследования и трудности всякого рода, но и пересилила самое смертоносное орудие нашего века: насмешку, презрительный хохот, раздавшийся в двух частях света.

В тот же вечер я отправился в частное собрание, где А. Гебхард читал реферат о теософии.

Все, что я узнал тогда, до того озарило мой внутренний мир, что я вернулся домой потрясенным, все мои мысли были заняты услышанным, и меня перестало мучить любопытство относительно загадочной личности Е. П. Блаватской.

Только позднее, когда новое учение -- путеводная звезда и утешение моей жизни -- раскрывалось передо мной все полнее и шире, я открыл в своем сердце глубокую, прямо пламенную благодарность к вестнику, который на все дерзнул, все перенес, чтобы дать нам благо истинного света. Она сделалась моей матерью, моей благодетельницей, моим руководителем.

Желание выразить ей чем-либо мою безграничную благодарность превратилось в потребность подражать ей, следовать за ней, работать по мере сил, чтобы тот хлеб жизни, который она давала мне, давать и другим голодным.

Мне казалось, что между ею и мной, жившими на противоположных концах земного шара, нет расстояния, что великая волна ее духовной деятельности захватила и меня, и я чувствую ее.

Только тот, кто испытывал на себе такое влияние, может понять, как велик подъем энергии, который происходит от соприкосновения с великой душой.

Только позднее, читая злобные нападки ее врагов, ко мне вернулось с прежней силой желание разгадать ее и оправдать, но не перед светом, а в собственном уме, т. е. отнестись к ней *сознательно*. Разгадать ее я мог только одним способом, ища разъяснения ее личности в ее учении. Ибо по законам духа, где единство представляет закон из законов, весть и вестника нельзя отделять. Конечно, можно учить истине и самому не следовать истине, но никто не может передать истину так, чтобы она вызывала в других живые

плоды, если он сам не сделался частью этой истины. Нельзя давать того, чего у самого нет.

Она всегда действовала в высшей области, мы же судили ее здешней мерой, отсюда все ошибочные заключения. Но когда я брался судить ее с высшей точки зрения, я ни разу не напал на противоречия, и если я не мог следовать за ее могучей природой, я все же ясно различал, что с ее свойствами можно существовать только живя согласно с духовным законом и невозможно жить, становясь в противоречие с ним.

Я никогда не видал ее, ни разу не заглянул в ее глаза. Слова не могут выразить моего сожаления; но она писала мне из собственного побуждения как человек, который хочет навестить тоскующего в отдалении друга.

Тонкий аромат ее души достигал к нам через океаны и оживлял каждое в созвучии бившееся сердце, укреплял наши силы, зажигал в нас отвагу. Мы, которые знаем ее влияние на нашу жизнь, можем только улыбаться, слушая ее врагов. Никогда она не могла бы вызвать в нас стремление к истине и к добру, если бы сама была далека от них.

Приведу слова одного человека, который жил с ней вместе: "Что бы ни говорили о ее личности, я лучшей не знал. В ней была крепость и достоинство древнего друида и лучше всего ее определяет девиз друидов: "За истину -- против всего мира". Хотя я не знал ее во плоти, но она одна из всех вождей человечества дала мне истинное познание и научила стоять за правду перед лицом всего мира. Душа, которая способна сотворить такое издали, не может быть зависимым лучом, она -- один из тех больших световых центров, которые никогда не умирают, хотя бы мы некоторое время и называли ее по неведению "Еленой Блаватской".

РАИ Б. К. ЛАХИРИ* <9>

Не может быть никакого сомнения, что Е. П. Блаватская обладает чудесными тайными силами, которые она могла получить только преодолев бесконечно великие трудности. Нет ничего труднее в наше время в Индии, как найти настоящего йога и суметь получить от него его знания, тем более эта трудность непреодолима для женщины из расы варваров (*млечча*). Но что ей удалось, -- как, я не знаю, -- овладеть ключом к истинной индусской философии и к тайному учению Будды, для меня -- несомненно.

С членами Теософского общества Индии, Англии и Америки я не знаком, но Е. П. Б. знаю хорошо. Я не русский, не англичанин и не американец, и не имею никакого земного побуждения говорить о ком-либо злое или хорошее, если я в том не убежден.

А если подумают о том, что я -- индус и притом брахман высшей касты, то ясно, что ничто, кроме истины, не могло заставить меня сказать слово в пользу личности, которая высокие учения моих предков выдает тем, кто, несмотря на всю науку и цивилизацию, все же -- насквозь варвары.

Но кто называет Е. П. Б. обманщицей, тот не понимает, что говорит.

Я бы отдал *все* в жизни тому, кто научил бы меня *так* обманывать.

И неужели людям Запада недостаточно, если гордый брахман, который никогда ни перед кем не склонял головы, кроме Высшего Сущего, если он перед этой белой йогиней Запада складывает руки, как послушное дитя?

Что же побуждает его к этому?

То, что в наших глазах она более не женщина варваров; она переступила порог и каждый индус, даже чистейший из чистейших брахманов, сочтет для себя честью и радостью назвать ее матерью.

*<1> Г. Олькотт был полковником американской армии, участвовал в борьбе за освобождение негров, затем был журналистом, в 1875 году вместе с Е. П. Блаватской основал Теософское общество, пожизненным президентом которого и состоял до своей смерти. С 1894 года жил в Индии в доме Теософского общества в Адьяре, где и умер в 1907 году.

*<2> Президент Теософского общества с 1907 по 1933 год.

*<3> Лондонский рабочий, член парламента, работавший с г-жей А. Безант в период ее бурной общественной деятельности и вместе с нею примкнувший к теософскому движению.

*<4> Жена шведского посланника, одна из первых учениц Е. П. Блаватской.

*<5> Американский писатель, работавший над религиозно-философскими вопросами. Переводчик Упанишад и автор многих талантливых статей по теософии. Был женат на племяннице Е. П. Блаватской, Вере Владимировне, которая издавала теософский журнал "Quarterly" в Нью-Йорке.

*<6> Ревностный поборник теософии в Индии, автор многочисленных публикаций и публичных выступлений. Подробнее о нем см. в "Теософисте" за сентябрь 1909 г.

*<7> Автор "Евангелия праведности и др. книг и многочисленных статей по вопросам теософии.

*<8> Член Американской секции Теософского общества.

*<9> Индийский брахман, впоследствии активный член Теософского общества.
